

The background of the cover is a painting. On the left, there is a green upholstered chair with a gold frame, positioned in front of a blue wall. To the right of the chair is a white wall with several rectangular panels. In the bottom right corner, there is a dark, abstract shape with red and blue highlights, possibly representing a person or a piece of furniture.

Джулиан Барнс

До ее встречи со мною

Смешно,
печально
и слегка
зловеще...
описанная
в романе
ревность
кажется
осязаемой
и опасной.

SPECTATOR

18+

Оглавление

- [1. Три костюма и скрипка](#)
- [2. In flagrante](#)
- [3. Мытье креста](#)
- [4. Сансеполькро, Поджибонси](#)
- [5. Амбалы и Очкарики](#)
- [6. Господин автомойка](#)
- [7. Навозная куча](#)
- [8. Феминейские песчаники](#)
- [9. Иногда сигара...](#)
- [10. Синдром Стенли Спенсера](#)
- [11. Лошадь и крокодил](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги Джулиана Барнса,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ШУМ ВРЕМЕНИ
НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ
ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА
ПУЛЬС
ИСТОРИЯ МИРА В 10½ ГЛАВАХ
АРТУР И ДЖОРДЖ
ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА
ОТКРОЙ ГЛАЗА
МЕТРОЛЕНД
ОДНА ИСТОРИЯ
КАК ВСЕ БЫЛО
ЛЮБОВЬ И ТАК ДАЛЕЕ
ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ В КРАСНОМ
ДО ЕЕ ВСТРЕЧИ СО МНОЙ

Джулиан
Барнс

До ее
встречи
со мной

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Julian Barnes
BEFORE SHE MET ME
Copyright © 1982 by Julian Barnes
Originally published in Great Britain in hardcover
by Jonathan Cape, London, in 1982
All rights reserved

Перевод с английского
Виктора Сонькина, Александры Борисенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использована картина
Фрэнсиса Кэмпбелла Буало Каделла (1883–1937)
«Интерьер, Эйнсли-плейс, 6» (1920-е).

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Барнс Дж.

До ее встречи со мной : роман / Джулиан Барнс ; пер. с англ. В. Сонькина, А. Борисенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-21937-3

18+

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Одна история», «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 10½ главах», «Попугай Флобера» и многих других. Возможно, основной его талант — умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое.

Что сильнее — любовь или ревность? И как вообще возможна ревность к прошлому, ко всем тем мужчинам, которых знала бывшая актриса Энн «до ее встречи со мной»? Такими вопросами одержимо терзается Грэм, преподаватель политической истории, и не находит себе места, превращая собственную жизнь в жестокий фарс...

Роман публикуется в новом переводе.

© В. В. Сонькин, А. Л. Борисенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Это была довольно злобная книга о неприглядной стороне сексуальности, о ревности и одержимости. Она была задумана жесткой, должна была оставлять неприятный осадок. Мне кажется, это самая смешная моя книга, хотя ее юмор отдает мрачностью и дурновкусием.

Джулиан Барнс

Мало кто сможет устоять против этого юмора, этой коварной притягательности... Барнсу удалось написать одну из тех книг, от которых не можешь оторваться до самого утра.

The New York Times Book Review

Пугающе правдоподобно — и написано с невероятным мастерством.

Guardian

Содержательно и остроумно исследует психологию, философию и любовь во всем многообразии их проявлений.

The Times

Короткий и безжалостно блестящий роман об отношениях, погубленных ревностью, полный тонких наблюдений о природе любви.

Metro

Смешно, печально и слегка зловеще... описанная в романе ревность кажется осязаемой и опасной.

Spectator

Барнс не только виртуозно развлекает читателя, но и обращается к нему с серьезными моральными вопросами; самые мрачные стороны предательства и боли он демонстрирует с тем же блеском, что и фарс сложных любовных перипетий, и столкновение характеров.

The New Yorker

Мало кого так приятно читать в наши дни, как Джулиана Барнса.

Chicago Tribune

В его творчестве остроумие и интеллект сплетаются так, что этому невозможно сопротивляться.

New Statesman

Джулиан Барнс показывает нам, чего может добиться независимый сильный писательский голос, решительно отбрасывая костыли современной прозы.

Philadelphia Inquirer

Джулиан Барнс — один из небольшой плеяды британских романистов-новаторов, которым удалось вытащить английский роман из провинциальной колеи, в которой тот было застрял.

Newsday

Книга Барнса — это гимн человеческому воображению, сердцу, неистовому разнообразию нашего генофонда, наших деяний, наших наваждений. Они щекочат нам ум и чувства, и Барнс добивается, без трюков и каламбуров, того, что так ценил Набоков, — эстетического наслаждения.

Chicago Sun-Times

Барнс рос с каждой книгой — и вырос в лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов. Читатель давно и устойчиво сроднился с его сюжетными и стилистическими выкрутасами и не променяет их ни на что.

The Independent

Любителей изящной, умной и афористичной прозы Барнс никогда не разочарует.

The Gazette

Барнс — непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

Фирменное барнсовское остроумие ни с чем не спутаешь.

The Miami Herald

В своем поколении писателей Барнс, безусловно, самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Легкомысленный и глубокий одновременно, предлагающий за разумную сумму приобрести коллекцию точных высказываний о жизни, Барнс прижился в России даже больше, чем на родине; он — идеальный писатель-иностранец, живое доказательство того, что, выполняя важную этическую миссию — говорить правду, писатель не обязательно должен отказываться от психологически и материально комфортной частной жизни и писать толстые, навязчивые, претенциозные, с космическими амбициями романы, в которых нет ни одной шутки.

Лев Данилкин (Афиша)

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская (Psychologies)

Роман «До ее встречи со мной» — в своем роде антишестидесятнический манифест. Он борется с представлением, что в 1960-е с сексом как-то разобрались, а до этого все было запутанно и бессмысленно. Сначала миром правила королева Виктория, а потом появились Битлы, все вдруг стали спать с кем попало и излечились. Так многие представляют себе в общих чертах историю английской сексуальности. А я хотел сказать, что все не так, — человеческое сердце и человеческие страсти остаются неизменными.

Ревность — привлекательная тема для романа, потому что она театральна, нередко иррациональна, несправедлива, навязчива и чудовищна для всех участников. Нечто глубоко первобытное внезапно взрывает поверхность нашей якобы взрослой жизни — так голова крокодила показывается вдруг в прудике с кувшинками.

Джулиан Барнс

Посвящается Пэт

Человек сталкивается с тем, что природа, в сущности, наградила его тремя типами мозга, которые, несмотря на огромную структурную разницу, вынуждены координироваться и коммуницировать между собой. Самый старый из них, можно сказать, рептильный. Второй унаследован от примитивных млекопитающих, а третий развился у млекопитающих поздних и сделал... человека человеком. Аллегорически учитывая эти типы мозга внутри одной черепной коробки, мы можем представить себе, что, когда психиатр просит пациента прилечь на кушетку, он предлагает ему растянуться рядом с лошадью и крокодилом.

*Пол Д. Маклин. Журнал нервных
и психиатрических заболеваний.
Том 135, № 4. Октябрь 1962 г.*

Все-таки лучше жениться, чем помереть.

*Мольер. Плутни Скапена
(Перевод Н. Дарузес)*

ТРИ КОСТЮМА И СКРИПКА

Когда Грэм Хендрик наблюдал прелюбодеяние жены первый раз, он ничуть не огорчился. Он даже обнаружил, что хихикает. Ему и в голову не пришло заслонить рукой глаза дочери.

Конечно, все это подстроила Барбара. Барбара, первая жена; а Энн — вторая, та самая, которая прелюбодействовала. Хотя, конечно, тогда ему и в голову не пришло такое определение. Поэтому и не возникло импульса *pas devant les enfants*¹. И вдобавок это все еще было медовое время — так Грэм его называл.

Медовое время началось 22 апреля 1977 года в Рептон-Гарденс, когда Джек Лаптон познакомил его с парашютисткой. Это было на вечеринке, он как раз пил третий стакан. Но алкоголь никогда не помогал ему расслабиться: как только Джек назвал имя девушки, в мозгу Грэма что-то замкнуло и оно тут же автоматически стерлось из памяти. С ним это постоянно случалось на всяких сборищах. За несколько лет до того он решил в качестве эксперимента повторять имя собеседника во время рукопожатия. «Привет, Рейчел», — говорил он, или «Привет, Лайонел», или «Добрый вечер, Марион». Но мужчины, кажется, из-за этого принимали его за голубого и бросали настороженные взгляды, а женщины вежливо спрашивали, не из Бостона ли он или, может, адепт позитивного мышления? Грэм забросил свой эксперимент и продолжал страдать от выходов собственного мозга.

В тот теплый апрельский вечер, прислонившись к стеллажу в квартире Джека, вдалеке от болтающих

курильщиков, Грэм вежливо рассматривал все еще безымянную светловолосую женщину с безупречной прической, в полосатой блузке из шелка (по крайней мере, он так решил).

— Это, наверное, очень интересная профессия.

— Да.

— Вы, наверное, много путешествуете.

— Да.

— Участвуете в шоу?

Он представил, как она кувыркается в воздухе, а из канистры, пристегнутой к ноге, вырываются клубы алого дыма.

— Нет, этим занимается другой отдел.

(Да? И что же это за отдел?)

— Но наверное, это опасно?

— Что — опасно? Летать? — Удивительно, подумала Энн, как часто мужчины боятся самолетов. Она-то относилась к ним абсолютно спокойно.

— Не столько летать, сколько прыгать.

Энн вопросительно склонила голову набок:

— Прыгать?

Грэм поставил стакан на полку и помахал руками. Энн еще сильнее наклонила голову. Он схватился за среднюю пуговицу своего пиджака и изобразил по-военному резкий рывок вниз.

— Я думал, вы парашютистка, — сказал он наконец.

Сначала она улыбнулась одними губами, но вскоре и в глазах ее жалостливый скептицизм сменился весельем.

— Джек сказал, что вы парашютистка, — повторил он, как будто от повторения и отсылки к авторитетному источнику это могло стать правдой. На самом деле совсем наоборот. Это, несомненно, была очередная шуточка Джека («Ну что, пёрнул в лужу, старый мудак?»).

— В таком случае вы тоже не историк и не преподаете в Лондонском университете, — сказала она.

— Боже упаси, — ответил Грэм. — Я что, похож на профессора?

— Понятия не имею. Разве они выглядят как-то особенному?

— Конечно! — с горячностью сказал Грэм. — Очки, коричневый твидовый пиджак, горб на спине, ревнивая, мелочная натура, одеколон «Олд спайс».

Энн оглядела его. Он был в очках и коричневом вельветовом пиджаке.

— Я нейрохирург, делаю операции на мозге, — сказал он. — Ну то есть не совсем. Пока что я продвигаюсь вверх: надо сначала попрактиковаться на других частях тела, этого требует логика. В данный момент это шея и плечи.

— Интересно, должно быть, — сказала она, явно сомневаясь, до какой степени можно ему доверять. — И трудно.

— Да, это трудно. — Он подвигал очки на переносице, после чего водрузил их в точности на прежнее место. Он был высокий, с удлинённым лицом и квадратным подбородком; темно-каштановые волосы беспорядочно припорошены сединой, как будто кто-то потряс над ним засорившейся перечницей. — И опасно.

— Да, наверняка.

Неудивительно, что он так поседел.

— Самое опасное — летать, — объяснил он.

Она улыбнулась; он улыбнулся. Она была не только хорошенькая, но и милая.

— Я покупаю одежду для магазинов, — сказала она.

— Я историк, — сказал он. — Преподаю в Лондонском университете.

— А я — волшебник, — сказал Джек Лаптон, вклиниваясь в их разговор и протягивая бутылку. — Преподаю магию в университете жизни. Вино или вино?

— Уйди, Джек, — сказал Грэм с необычной для себя твердостью.

И Джек ушел.

Оглядываясь назад, Грэм видел с пронзительной ясностью, как прочно заякорена была в то время его жизнь. Хотя, возможно, обманчивая ясность всегда возникает, когда оглядываешься назад. Ему было тридцать восемь лет, из которых пятнадцать он был женат, десять на одной и той же работе, ипотека перевалила за середину — и жизнь, вероятно, тоже; он уже чувствовал, что дорога пошла вниз.

Барбара бы с ним не согласилась. Да он и не смог бы ей этого объяснить в таких словах. Может быть, в этом отчасти и было дело.

Тогда он все еще был привязан к Барбаре; хотя как минимум в течение последних пяти лет уже не любил ее по-настоящему, их отношения не вызывали у него особого интереса и тем более гордости. Он был привязан к дочери, Элис, но и она, как ни странно, не пробуждала в нем глубоких чувств. Он радовался, что она хорошо учится, но понимал, что эта радость сродни облегчению от того, что она не учится плохо, — как различить эти чувства? Так же, от противного, он был привязан и к своей работе, хотя с каждым годом все меньше, по мере того как его студенты становились все более беспомощными, невинно-ленивыми, все более вежливо-отстраненными.

За все пятнадцать лет своего брака он ни разу не изменял Барбаре, и поскольку считал, что это нехорошо, и, вероятно, поскольку не встречал серьезных искушений (когда студентки прямо перед его носом скрещивали ноги, задирая платье, он давал им более трудные темы эссе, и они говорили потом, что он бесчувственный чурбан). По этой же причине он не думал о смене работы: вряд ли нашлась бы другая работа, которую он мог бы выполнять с такой легкостью. Он много читал, копался в саду, разгадывал кроссворды; он защищал свое имущество. В свои

тридцать восемь он уже чувствовал себя немного пенсионером.

Но, познакомившись с Энн — не в тот первый раз в Рептон-Гарденс, а позже, когда он сам себя обманом уговорил пригласить ее на свидание, — он вдруг почувствовал, как восстанавливается его связь с самим собой, только на двадцать лет моложе. Он снова был способен на безумства и идеализм. И он почувствовал, что у него снова есть тело. Причем не только в том смысле, что он стал получать настоящее удовольствие от секса (хотя, конечно, и это тоже), но и в том, что он перестал ощущать себя просто контейнером для мозга. В последние десять лет он все реже использовал собственное тело; все удовольствия, эмоции, которые прежде возникали где-то на поверхности кожи, теперь гнездились на небольшом участке внутри головы. Все ценное происходило где-то в черепной коробке. Конечно, он следил за своим телом, но бесстрастно, незаинтересованно — примерно как за автомобилем. Оба объекта следовало время от времени заправлять топливом и мыть; оба иногда давали сбой, но обычно неполадку можно было устранить.

893-8013: как он нашел в себе смелость позвонить? Он знал как: при помощи самообмана. Он сидел в то утро за столом со списком номеров, по которым нужно было позвонить, и просто вставил ее номер в середину списка. В разгар мелочной торговли по поводу расписания и вялых уверений в заинтересованности со стороны редакторов научных журналов он вдруг услышал гудки ее номера. Он сто лет никого не приглашал пообедать (в смысле, женщин и не по работе). Это было как-то... не нужно. Но ему только-то и пришлось, что назвать себя, убедиться, что она его помнит, и пригласить. Она согласилась; более того, сказала «да» на первую же дату, которую он предложил. Ему это понравилось, он почувствовал себя

настолько уверенно, что не стал снимать обручальное кольцо. Сначала думал снять.

И с этого момента все было так же прямолинейно. Он или она говорили «а давай...», и второй отвечал «да» или «нет», и так принималось решение. Никто не обсуждал разные мотивы, как происходило в их с Барбарой браке. Ведь на самом деле ты не это имел в виду, Грэм? Когда ты сказал то-то и то-то, на самом деле ты хотел сказать сё-то? Жить с тобой, Грэм, все равно что играть в шахматы с партнером, у которого кони стоят в два ряда. Однажды вечером на седьмом году брака, после почти расслабленного ужина, когда Элис уже была в постели, а он наслаждался покоем и был, как ему казалось тогда, счастлив, насколько это возможно, он сказал Барбаре, лишь немного преувеличивая:

— Я очень счастлив.

И Барбара, которая в тот момент сметала со стола последние крошки, резко повернулась к нему, подняв руки в розовых резиновых перчатках, словно готовый к операции хирург, и спросила:

— Что ты такое натворил?

Такие разговоры случались у них и до, и после, но в памяти застрял именно этот. Может быть, потому, что он ничего не натворил. И впоследствии он всегда медлил, прежде чем сказать, что любит ее, или что он счастлив, или что дела идут хорошо, и задавался вопросом: если я скажу о своих чувствах, не подумает ли Барбара, что я что-то пытаюсь скрыть, что-то заглазить? И если ничего такого не приходило ему в голову, он говорил то, что собирался, но это лишало жизнь спонтанности.

Спонтанность, прямота, непосредственность общения, напрямую связанная с телом, — Энн не просто подарила ему Наслаждение (это могли бы сделать многие), но показала окольные пути, лабиринты удовольствия; она

умудрилась даже освежить саму его память о наслаждении. Это освоение всегда шло по одному и тому же пути: сначала жажда узнавания, когда он смотрел, как Энн делает что-то (ест, занимается сексом, говорит, просто идет или стоит); затем период подражательного повторения, пока он не освоится вполне с этим конкретным удовольствием; и наконец, благодарность, сопровождаемая тошнотным привкусом обиды (сначала он не понимал, как так может быть, но было именно так). Он был благодарен ей за науку, он восхищался тем, что она научилась этому первая (иначе как бы она научила его?), и все же порой его глодало осадочное, нервное раздражение, что Энн прошла этот путь до него. В конце концов, он был на семь лет старше. В постели, например, ее уверенность и легкость казались ему демонстративными, укоряющими, как будто это насмешка над его осмотрительностью, над его деревянной неловкостью. «Эй, остановись, подожди меня», — думал он; а иногда и вовсе досадливое: «Почему ты научилась этому не со мной?»

Энн знала об этом — она заставила Грэма признаться, как только почувствовала, что что-то не так, — но это не казалось угрозой. Конечно же, они все обсудят, и это пройдет. Кроме того, было много областей, в которых Грэм разбирался гораздо лучше, чем она. История была для нее библиотекой с закрытыми книгами. Новости были неинтересны, поскольку казались неизбежными, не поддающимися влиянию. Политика была ей скучна, если не считать короткого игрового азарта во время объявления бюджета и несколько более длительного во время всеобщих выборов. Она даже помнила почти все имена основных министров, хотя, как правило, это был предыдущий кабинет.

Она любила путешествия, а Грэм давно махнул на них рукой (это был еще один вид деятельности, который происходил преимущественно внутри черепной

коробки). Она любила современную живопись и старую музыку; ненавидела спорт и шопинг; любила еду и книги. Грэм разделял многие ее вкусы и понимал все. Когда-то она любила кино — в конце концов, она и сама играла небольшие роли в нескольких фильмах, — но теперь не ходила в кинотеатры, и Грэма это устраивало.

Когда они познакомились, Энн не пребывала в поиске. «Мне тридцать один год, — сказала она не в меру заботливому дядюшке, который слишком пристально уставился на безымянный палец ее левой руки. — Я не засиделась в девицах, и я не в поиске». Она больше не ждала появления идеального — или даже просто подходящего — партнера от каждой вечеринки и от каждого ужина. Кроме того, она уже усвоила поразительное, комическое несоответствие между намерением и результатом. Хочешь завязать короткую, почти бесконтактную интрижку — и вдруг подружишься с его матерью; думаешь: вот хороший человек и при этом не размазня, и вдруг обнаруживаешь непробиваемого эгоиста — а ведь казался таким скромным, так услужливо подносил напитки. Энн не считала себя невезучей (как думали некоторые ее друзья) и не спешила разочаровываться в жизни; она предпочитала думать, что набралась мудрости. Глядя на неловкие *ménages à trois*², душедрательные аборты и другие жалкие, унижительные отношения, в которые ввязывались ее подруги, она заключала, что сама осталась практически в целости и сохранности.

То, что Грэм не был особенно хорош собой, говорило скорее в его пользу; Энн объясняла себе, что от этого он более настоящий. Его семейное положение можно было счесть нейтральным фактором. Подруги Энн постановили, что по достижении тридцатилетнего возраста мужчины вокруг (если не переключаться на малолеток) оказываются либо гомосексуальными, либо женатыми, либо сумасшедшими и из этих трех